

СКАЗКА НА НОЧЬ

Кашлянул я едва слышно. Интеллигентно, знаешь, так кашлянул, в кулачок.

Но девушка не обратила ровно никакого внимания.

Тогда я, поерзав на стуле, стал, в конце концов, барабанить по пыльному подоконнику костяшками пальцев – какую-то мелодию, кажется, симфонию Баха. Что-то такое носилось в воздухе, грозное.

Однако же девушка по-прежнему не обращала на меня внимания.

Мечтательно запрокинув голову и сильно зажмурившись, я, словно невзначай, словно забывшись дурманом летнего дня, начал вполголоса декламировать «Бюрю», причем всю, причем на чистом английском, которого не знал, задом наперед, ставя точку на перечислении действующих лиц.

Девушка даже не фыркнула. Зевнула.

Принялся притоптывать мне одному слышимому ритму, а потом и вовсе пустился в пляс, задорной кадрилию подхватив стул, чучело сороки и два горшка с азалиями, которые были не прочь, но вот их кавалеры, а они тут как тут, и с ними мне тоже пришлось протанцевать минимум по два круга.

Я был в ударе.

Девушка опустила глаза и потерла переносицу.

Порывом страсти я распахнул окна и обратился с пламенной речью к насекомым и облакам, после чего в Южной Каролине прошли кратковременные осадки, местами с грозами, старый московский писатель увидел в чайниках остывшего чая свое настоящее, а Эсмеральда, вдова Найвс, так и не смогла отыскать столь необходимую вставную челюсть.

Нема, глуха к моим мольбам – девушка не реагировала.

Я поднатужился и проник в ее мысли, оттуда, через потаенную дверцу, в камеру обскура памяти, где, долго вороша снимки (здесь ты хороша, в этой панамке и с сигаретой, - сколько тебе было? пять? шесть?), освободил, очистил, облегчил существование, отсортировав любимые и присвоив самые нелюбимые ее воспоминания о сизых кошмарах в палатке в горах и о разбившемся кузнецовском блюде с автографом.

Ноль благодарности.

Я сворачивал смерчи бубликами и сушками к ее ногам, я прошелся по Центральному Парку демонстрацией с призывом о сборе денег на пластические операции утконосам, я целый год жил в кармашке у кенгуру.

Ноль внимания.

Решительно и бесповоротно объявил я войну Люксембургу, чтоб жизнь им медом не казалась, и, своевременной, удачной рокировкой поменяв местами Дортмунд и Одессу, окончательно запутал беднягу Марса – в будущем мне предстоит долго бороться с бессонницей, представляя, как ковыляет он за горизонт, почесывая кудлатую свою бороду, и искренне удивляется самому себе, и протяжно, надрывно зовет Осириса, чтобы, мол, где-нибудь в тепленьком местечке за углом, пока никто не видит...

Девушка не реагировала.

Я взял шест и, поудобнее (с пивом и бутербродами) устроившись в точке опоры, перевернул Землю. Потом еще раз и еще раз, а когда соседи пожаловались в ЖЭК, ко мне пришли с милицией и трехногой овчаркой, и я был вынужден водрузить планету на место.

Тогда я кашлянул вновь, чуть громче.

И она обернулась ко мне и улыбнулась, солнечно и не просто в пустоту, а конкретно лично мне, и я почувствовал себя польщенным...

Вот так ты и появился на свет, малыш. А сейчас – пора – спать.